

В.В. МАЛАЙ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ 1936–1939 годов: МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ

Нейтралитет Испании в Первой мировой войне во многом предопределил ровный характер ее отношений со странами обоих блоков в межвоенный период, когда она не играла определяющей роли в балансе сил континента и интересовала ведущие европейские страны в большей степени в экономическом плане. Значимость и цена экономического и стратегического положения Испании стали возрастать по мере как обострения внутренней ситуации, так и появления новых реалий в общеевропейском предвоенном кризисе.

Пришедший к власти в феврале 1936 г. Народный фронт как левореспубликанскую коалицию приняла не вся Испания. Консолидировавшиеся правые партии подняли в ночь на 17 июля военный мятеж в испанском Марокко, на Канарских и Балеарских островах. Он положил начало национальной трагедии страны – Гражданской войне 1936–1939 гг. Но в Европе второй половины 30-х годов XX в. в обстановке острой политической и идеологической поляризации локальный конфликт (тем более с ярко выраженным анти- или профашистским контекстом) не мог сохранить только внутреннее наполнение. В основу интернационализации конфликта легло обращение в июле 1936 г. за иностранной помощью: сначала республики к Франции, немного позже мятежников – к правительствам Италии и Германии. Провозглашение ведущими европейскими государствами политики невмешательства (август 1936 г.) можно считать очередным фактором интернационализации Гражданской войны в Испании. Начало советской военной помощи Испанской республике (начало октября 1936 г.) ознаменовало следующий этап.

Гражданский конфликт 1936–1939 гг. в Испании стал новым фактором международной политики и превратил Пиренейский полуостров в регион, положение на котором существенно определяло обстановку в Европе кануна Второй мировой войны. Глобализация испанской проблемы ощутимо отразилась на отношениях между ведущими европейскими странами.

Гражданская война в Испании была и остается темой пристального и активного изучения. В 1950–1970-е годы был создан ряд работ, посвященных как внутренним, так и международным аспектам испанской войны: труды Х. Гарсиа, И.М. Майского, К.Л. Майданика, М.Т. Мещерякова, Р.С. Овинникова, С.П. Пожарской, Д.П. Прицкера и других исследователей¹, содержащие богатый фактический материал и положения,

Малай Вера Владимировна – доктор исторических наук, заведующая кафедрой международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета.

¹ *Гарсиа Х.* Испания Народного фронта. М., 1957; *его же.* Испания двадцатого века. М., 1967; *Овинников Р.С.* За кулисами политики “невмешательства”: испанский вопрос в политике империалистов Англии, Франции и США накануне второй мировой войны. М., 1959; *Майданик К.Л.* Испанский пролетариат в национально-революционной войне. 1936–1939. М., 1960; *Майский И.М.* Испанские тетради. М., 1962; *Прицкер Д.П.* Подвиг Испанской республики. М., 1962; *Пожарская С.П.* Социалистическая рабочая партия Испании. 1931–1939 гг. М., 1966;

не потерявшие своей актуальности спустя полвека. Затронутая фактически всеми исследователями в той или иной степени проблема международных аспектов Гражданской войны в Испании носила скорее подчиненный характер, служила своеобразным фоном для освещения внутрииспанских событий и причин поражения республики. Изложение истории Гражданской войны в Испании в контексте международных отношений страдало в отечественной историографии некоей фрагментарностью: кроме заданных “холодной войной” стереотипов оно опиралось, в основном, на иностранные материалы или опубликованные советские документы. В постсоветский период новое видение проблем Гражданской войны в Испании и ее международных аспектов было дано С.П. Пожарской². Работы отечественных историков последних десятилетий отличаются не только новыми концептуальными подходами, но и существенным расширением документальной базы, следовательно большей объективностью, взвешенностью и аргументированностью³.

Обращение к материалам некоторых фондов (или даже дел) Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) и Государственного архива РФ (ГА РФ) дали возможность переосмысления, уточнения ряда положений и выводов по названной теме, а также постановки проблем, носивших ранее табуированный характер для отечественного историка.

В настоящей статье на основе анализа документов АВП РФ и ГА РФ анализируются геостратегический, пропагандистский международные аспекты испанской войны 1936–1939 гг. вместе с политикой невмешательства в дела Испании и проблемой формирования военно-политических союзов в этой связи, прослеживается влияние этих факторов на собственно испанскую проблему, двусторонние отношения и международную ситуацию в целом.

Италия и Германия довольно быстро определили свое отношение к испанской драме уже летом 1936 г. поддержав мятежников. Первая просьба о помощи, исходившая от генералов Ф. Франко и Э. Мола, была отклонена и германским МИД, и Муссолини. 25 июля 1936 г. Гитлер был информирован об обращении мятежников и вечером того же дня в узком кругу доверенных лиц согласился на оказание им помощи. После некоторых колебаний к аналогичному решению пришел и Муссолини, причем оно было

ее же. Тайная дипломатия Мадрида. М., 1971; *ее же*. Фашистская фаланга в Испании. – Новая и новейшая история, 1972, № 5; 1973, № 1; *ее же*. Внутренние и внешние факторы утверждения фашизма в Испании. – История фашизма в Западной Европе. М., 1978; Война и революция в Испании 1936–1939, в 2-х т. М., 1968; Мещеряков М.Т. Интернациональные бригады в Испании. – Новая и новейшая история, 1979, № 4; *его же*. Испанская республика и Коминтерн (национально-революционная война испанского народа и политика Коммунистического Интернационала. 1936–1939 гг.). М., 1981, и др.

² Пожарская С.П. Гражданская война в Испании и проблемы Средиземноморья. – Средиземноморье и Европа: исторические традиции и современные проблемы. М., 1986; *ее же*. Гражданская война в Испании в контексте международных отношений в канун второй мировой войны. – Европа между миром и войной. М., 1992.

³ Новиков М.В. СССР, Коминтерн и гражданская война в Испании 1936–1939, в 2-х ч. Ярославль, 1995; *его же*. Война в Испании и Советский Союз. 1936–1939. Ярославль, 2000; Рыбалкин Ю. Операция “Х”. Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М., 2000; Елпатьевский А.В. Испанская эмиграция в СССР. Историография и источники, попытка интерпретации. Тверь, 2002; Орехова М.С. Германо-советские отношения в контексте международных аспектов гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.). Автореферат канд. дисс. Ярославль, 2004; Афанасьева О.А. Международные аспекты гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.) в контексте внешней политики Великобритании. Автореферат канд. дисс. Тамбов, 2009; Бабицкий А.Г. Международные аспекты гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.) в контексте внешней политики Германии и Италии. Автореферат канд. дисс. Тамбов, 2009; Урывский А.П. Проблемы региональных конфликтов второй половины 30-х гг. XX в. во внешней политике Великобритании. Автореферат канд. дисс. Брянск, 2010; Шубин А.В. Великая испанская революция. М., 2012, и др.

принято независимо от Гитлера⁴. Франция и Великобритания сочли лучшим вариантом “нейтральную” позицию – невмешательство. Эта идея на начальном этапе войны была поддержана и советским руководством.

Можно говорить о преобладании в ходе всей испанской войны геополитического и военно-стратегического международных аспектов, всплеске, а затем некотором ослаблении значения средиземноморского и, отчасти, пропагандистского, о закономерном повышении в канун мировой войны роли экономического аспектов.

В плане геостратегии с началом испанской войны европейские страны столкнулись с задачей сохранения и укрепления своих позиций по трем направлениям: в самой Испании, в Средиземноморье и Европе в целом. И если значимость каждого из указанных векторов для ведущих европейских держав по понятным причинам была неоднозначной, то всех объединяло стремление упрочить свой международный авторитет. В понятие локализации конфликта помимо ограничения его рамок Англия и Франция включали задачи сохранения и укрепления своих позиций как за Пиренеями, так и в Европе в целом, Италия с Германией – их расширение, а усиление своей национальной безопасности напрямую связывали с аннексионными и даже экспансионистскими задачами. У Италии она проецировалась в большей степени на Средиземное море и Центральную Европу. Гитлеру Гражданская война в Испании предоставила удобный повод для реализации концепции пространственного расширения, ему удалось переключить внимание Италии с центральноевропейских проблем на проблемы на Пиренейском полуострове и Западном Средиземноморье.

Начало германо-итальянской помощи Франко и обозначившаяся перспектива упрочения политических и стратегических позиций фашистских государств на Пиренейском полуострове создавали определенную опасность для Великобритании и, особенно, для Франции. Захват Италией Балеарских островов перерезал пути сообщения Франции с Марокко, для Великобритании серьезно обострялась проблема средиземноморских проливов.

Европейские политические круги на свой лад трактовали советскую позицию в этом вопросе. Так, среди некоторых французских политических лидеров осенью 1936 г. было распространено убеждение, что СССР столь энергично настаивает на помощи испанскому правительству оружием потому, что хочет парировать опасность развязывания войны на востоке Европы и желает, чтобы следующий прыжок Гитлера произошел на запад: СССР “усиленно втягивает Францию и Англию, но особенно Францию, в деле оказания помощи испанскому правительству... Война вспыхнет на западе, а СССР останется в стороне”⁵. Британская пресса, комментируя присоединение Италии к антикоминтерновскому пакту (ноябрь 1937 г.), считала, в частности, что он касается их больше, чем советскую Россию: у нее “одно большое преимущество: она почти неуязвима”⁶. Мысли о геостратегическом преимуществе СССР придерживался и министр обороны Великобритании Т. Инскрип: “Да, вам хорошо – ваше географическое и стратегическое положение таково, что вас никто не сможет серьезно укусить. А мы совсем в другой ситуации: наша Империя уязвима с десяти концов”, – утверждал он в беседе с советским полпредом в Лондоне И.М. Майским⁷.

⁴ Подробнее см.: *Coverdale J. Italian Intervention in the Spanish Civil War. Princeton, 1975; Einkorn M. Die ersten maßnahmen des deutschen imperialismus zur wirtschaftlichen des plundering Spaniens (Juli bis Aug. 1936). – Der Spanische Bürgerkrieg in der internationalen Politik (1936–1939). München, 1976; Sullivan B.R. Fascist Italy’s Military Involvement in the Spanish Civil War. – Journal of Military History, Lexington, 1995, v. 59, № 4; Preston P. Mussolini’s Spanish Adventure: From Limited Risk to War. – The Republic Besieged: Civil War in Spain 1936–1939. Edinburgh, 1996; idem. Italy and Spain in Civil War and World War, 1936–1943. – Spain and the Great Powers in the XX Century. London – New York, 1999.*

⁵ АВП РФ, ф.069, оп. 20, п. 60, д. 4, л. 36–37.

⁶ Daily Telegraph, 9.XI.1937.

⁷ АВП РФ, ф.069, оп. 21, п. 62, д. 4, л. 158.

Все ведущие европейские страны использовали испанский вопрос для укрепления или поднятия своего международного авторитета.

Для Британии появлялась удобная перспектива, соблюдая “нейтралитет”, не прилагая особых (материальных, военных) усилий, погасить конфликт чужими руками и, не сильно испортив ни с кем отношений, воспользоваться конечными результатами. При этом для поддержания престижа “великой морской державы” ей нужно было максимально возможно сохранить свои позиции в Средиземном море.

Положение Франции в рассматриваемый период было едва ли не самым незавидным в Западной Европе. Так, по немецкой оценке (осень 1936 г.), «Франция слаба и стара. Она думает только о пище, это страна, в которой кухня, стол превратились в “государственное искусство”»; по итальянской: “Франция воспринимается сегодня необычайно менее важным фактором, чем ранее”⁸. Внешнеполитическими приоритетами правительства премьер-министра Л. Блюма станут “подъем упавшего французского престижа за рубежом с помощью четкого определения общности интересов со своими друзьями, особенно с Великобританией, известное, но осторожно взвешенное культивирование отношений с Советской Россией, избегая крайностей”⁹. Но анализ внешней политики Франции времен испанской войны свидетельствует о ее постепенной капитуляции на европейской сцене.

Участие Италии в испанской войне также не в последнюю очередь диктовалось важностью поднятия авторитета страны после абиссинской авантюры. Германия позволила Италии “увязнуть” в Испании, как ранее в Абиссинии, что ощутимо пошатнуло положение той в Средиземноморском бассейне. Затруднялась активная политика Италии в Придунайском бассейне и на Балканах, где с ослаблением ее позиций заметно усилились германские.

Германская политика представляла собой едва ли не самое “прагматичное чтение испанской ситуации”¹⁰.

Для СССР вмешательство в испанский конфликт также давало шанс “демонстрации силы” и было попыткой заставить с ним считаться в условиях надвигающейся войны. Нередко советские дипломаты высказывали мысль, что от хода и итога испанских событий будет зависеть не только судьба самой Испании и перспективы европейского мира, но и международный авторитет Советского Союза¹¹.

Безусловно, европейские лидеры отдавали себе отчет, что “испанские события создают большое количество осложнений и конфликтов в Европе”¹². Но понимание форм и методов достижения локализации испанского конфликта у ведущих участников политики “невмешательства” не совпало. Германия и Италия выступили на стороне мятежников для скорого завершения войны. Советский Союз, пусть не сразу, но поддержал республиканцев, при этом, подобно европейским партнерам, заявляя о желании ликвидировать интервенцию и превратить конфликт в сугубо испанский. Официальные Лондон и Париж открыто не поддерживали какую-либо сторону, но симпатии британского кабинета все больше проявлялись к франкистам, а Франция фактически всю войну позволяла нелегально использовать свою территорию для транзита грузов в республиканскую Испанию. Сам факт расхождения между ведущими европейскими государствами в тактике локализации испанского конфликта предопределял его дальнейшую интернационализацию и завершение лишь в случае массовой поддержки одной из сторон. Война превращалась в затяжную и вносила новые акценты в международные отношения.

⁸ *Ciano G. Diplomatic Papers. 1936–1942. London, 1948, p. 45; Documents on German Foreign Policy 1918–1945 (далее – DGFP). Ser. C (1933–1937). The Third Reich: First Phase. V. 5. March – Oct. 31, 1936. London, 1966, p. 778.*

⁹ DGFP, ser. C, v. 5, doc. 499, p. 876–879.

¹⁰ *Esenwein G., Shubert A. Spain at War. The Spanish Civil War in Context, 1931–1939. London – New York, 1995, p. 199.*

¹¹ АВП РФ, ф. 069, оп. 20, п. 60, д. 4, л. 70; ф. 0136, оп. 20, п. 167, д. 828, л. 142.

¹² Там же, ф. 069, оп. 21, п. 62, д. 4, л. 96–97.

С задачей локализации испанской войны была неразрывно связана проблема сохранения территориальной целостности Испании в ходе гражданского конфликта. Нарушение территориального единства любого региона подрывало и без того хрупкий баланс сил в Европе. Испанию после революции 1931 г. разрывали вместе с внутриполитическими остросоциальные и национальные (Каталония, баски) противоречия и сепаратистские тенденции. С победой Народного фронта и началом гражданской войны они обострились и получили новое наполнение. Слабость центрального правительства давала наблюдателям основания опасаться раскола страны как по национальному, так и политическому признакам.

Иностранное вмешательство создало риск эвентуального территориального раскола Испании по политическому принципу. Германия и Италия опасались образования “Советской Каталонской республики”, Франция и Британия – отделения от Испании (потери) Балеарских, Канарских островов, испанского Марокко. С Муссолини фюрера объединяла боязнь как установления на Пиренейском полуострове прокоммунистического режима, так и возможности попадания этих районов под франко-британский контроль.

В известных переговорах министра иностранных дел Италии Г. Чиано с Гитлером октября 1936 г. была принята и совместная декларация о защите национальной и колониальной целостности Испании. Она была направлена, помимо прочего, и против Каталонии как центра, из которого могла продолжаться борьба против мятежников в случае падения Мадрида¹³. Факт признания Италией и Германией в ноябре 1936 г. нелегитимного правительства Франко усиливал потенциальные возможности политического раскола Испании.

Французская позиция в испанском вопросе эволюционировала по мере обострения внутриполитического кризиса в самой Франции: постепенное ослабление Народного фронта и поправление французского правительства было фактически пропорционально нарастанию в нем профранкистских тенденций.

Эволюцию претерпели и британские установки. На начальном этапе войны британский кабинет, как замечал Майский, “с инстинктивной английской осторожностью” делал ставку на нейтралитет, точнее на не проявление симпатий ни к одной из борющихся сторон. Нейтралитет, по мнению английских политиков, облегчит в дальнейшем “ликвидацию гражданской войны в Испании”. Победа любого из экстремистских режимов (правительство Народного фронта приписывалось к таковым) не отвечала британским интересам¹⁴.

В декабре 1936 г. (так называемая брадфордская речь министра иностранных дел А. Идена. – В.М.) впервые британское правительство с полной определенностью заявило, что Великобритания “глубоко заинтересована в сохранении целостности и неприкосновенности Испании и испанских владений”, подтвердив идею мира, “по крайней мере, в Европе”¹⁵.

В конечном счете политическая раздробленность Испании как эвентуальный результат гражданской войны представилась европейским державам едва ли не более опасной для них самих, чем для Испании – они теряли бы там свои экономические (Франция, Англия, Германия и Италия), политические (Италия, Германия, СССР), геостратегические (Франция, Великобритания, Италия) позиции. Но по мере изменения ситуации, как в Испании, так и в Европе в целом, каждая из стран попыталась извлечь максимум выгоды из нарастающей угрозы нарушения территориального единства Испании. В целом же в геостратегическом плане испанская война способствовала усилению позиций и авторитета в первую очередь Италии и Германии.

Все западноевропейские страны, пусть и в разной форме, стремились ликвидировать “прокоммунистический очаг” в Испании. Но антикоммунистический мотив и

¹³ Там же, ф. 082, оп. 19, п. 83, д. 4, л. 117–118, 125, 129–130.

¹⁴ Там же, ф. 069, оп. 20, п. 60, д. 4, л. 70; оп. 21, п. 62, д. 4, л. 65; Documents on British Foreign Policy (далее – DBFP), 2nd ser., v. 17. London, 1979, p. 208–209.

¹⁵ АВП РФ, ф. 069, оп. 21, п. 62, д. 4, л. 27–28, 30.

для Германии, и для Италии в реальности был не более чем удобным предлогом для вмешательства в испанские дела и оправданием своих действий в лице европейского общественного мнения. Очередной дружественный режим не был лишним для лидеров фашизма и национал-социализма.

Действия британских политических кругов на начальном этапе испанской войны определялись также не идеологическими побуждениями. Прагматизм сквозил в резолюции заседания британского министерства иностранных дел от 1 сентября 1936 г.: “Трудно определить, победа правых или левых более желательна с точки зрения британских национальных интересов”. Важны не политическая или идеологическая солидарность, а “наши собственные интересы”¹⁶. На случай обвинения в невмешательстве при победе республиканского правительства было заготовлено оправдание, что так поступали все европейские страны. Следовательно, “наш природный инстинкт будет, без сомнения, пытаться сохранить нейтралитет в этой битве между фашизмом и коммунизмом”¹⁷.

Ход событий покажет, что антибольшевизм – удобное тактическое оружие для английских политиков. Они опасались, скорее, не испанского коммунизма, а “Советской Испании”. Прикрываясь “антисоветским зонтиком” (что в определенной мере смягчало ее отношения с Германией и Италией в этой коллизии), Великобритания пыталась извлечь из участия в испанской войне максимальную выгоду как собственно в Испании, так и в построении отношений с европейскими государствами.

При тогдашнем внутреннем и международном положении СССР едва ли не единственным (кроме военного) инструментом расширения рамок его влияния и политического присутствия была идеологическая экспансия. Провозглашаемые СССР в связи с испанским конфликтом идеологические принципы служили не более, чем прикрытием реальных геополитических целей, равно как и у Германии с Италией. Как известно, в середине августа 1936 г. были восстановлены, точнее возобновлены, испано-советские дипломатические отношения. Полпред в Испании М.И. Розенберг 31 августа вручил президенту республики М. Асанье верительные грамоты¹⁸. 28 сентября 1936 г. советское руководство приняло решение об оказании военно-технической помощи Испании¹⁹. Открытая демонстрация советской позиции началась с известного заявления поверенного в делах СССР в Великобритании С.Б. Кагана в Комитете по применению соглашения о невмешательстве в дела Испании (далее – Комитет по невмешательству) 7 октября 1936 г.

Противоборствовавшие испанские лагеря обратились в июле–августе 1936 г. за помощью к странам, стоявшим по разные стороны пусть не всегда зримого международного барьера. Проследим, какую роль Гражданская война в Испании сыграла в формировании военно-политических блоков кануна Второй мировой войны.

Уже в начале августа 1936 г. один из руководителей НКВД СССР Н.Н. Крестинский подчеркивал, что “определяются группировки в будущей мировой войне”, напрямую связывая это с испанскими событиями²⁰.

Один из первых британских меморандумов по Испанской войне (12 августа 1936 г.) назывался “Об опасности создания идеологических блоков в Европе”, но собственно идеология не была здесь главным мотивом. Политические интересы оказывались намного значимее.

Заключение франко-советского пакта о взаимопомощи (1935 г.), приход к власти левых сил во Франции (1936 г.) дали британским политикам повод опасаться потерять в лице этой страны потенциального политического союзника. Британское руководство поставит на повестку дня задачу “нашей защиты Франции всеми возможными

¹⁶ DBFP, 2nd ser., v. 17, doc. 157, p. 208–209.

¹⁷ Ibid., doc. 84, p. 90.

¹⁸ АВП РФ, ф. 010, оп. 11, п. 71, д. 53, л. 35–36.

¹⁹ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1930–1939, т. 2. М., 2001, с. 808.

²⁰ АВП РФ, ф. 098, оп. 19, п. 141, д. 658, л. 217–218.

способами от нашествия коммунизма под влиянием Гражданской войны в Испании” и освобождения ее “из-под русского влияния”. По итогам визита в Германию и Францию заместителя министра иностранных дел Великобритании Р. Ванситтарта (август 1936 г.) следовали тактические установки: максимально подчинить себе французскую политику в Комитете по невмешательству, нажимая на французских лидеров, доказать бесперспективность их сотрудничества с СССР и целесообразность кооперации с Британией²¹.

В свою очередь, советская дипломатия регулярно пыталась внушить французской стороне опасность подпасть под английское влияние. Параллельно советская сторона максимально утрировала опасность для нее германской угрозы²².

С началом испанской войны внешнеполитическая уязвимость Франции, безусловно, значительно возросла: не только помощь (в любой форме) республике, даже солидарность с нею таила опасность осложнения отношений как с фашистскими государствами, так и с Великобританией. Потенциально некоторая угроза остаться в изоляции существовала для Франции, о чем ей не забывала регулярно напоминать английская сторона.

“Испанский козырь” сыграл не последнюю роль в “борьбе за Францию” в 1936–1939 гг. между Великобританией и СССР. Поставленная перед выбором, где больше терять: “на британских качелях или на русской карусели”, Франция вынуждена была склоняться к первым: “Русский аспект в Испании обманет ожидания, создавая при этом разногласия с английскими настроениями. Я (Ванситтарт. – В.М.) подчеркнул это мистеру А. Леже (ген. секретарь франц. МИД. – В.М.) с просьбой повторить Блюму, что тому будет оказана помощь в сопротивлении русскому нажиму или корректировке тактики”²³.

Посол Франции в Москве Р. Кулондр подчеркивал в декабре 1936 г., что “наши симпатии идут в одном направлении [с республиканской Испанией]”, оговариваясь, что французской политике в этом направлении приходится считаться с английскими настроениями²⁴. По выражению министра авиации П. Кота (сторонника альянса с СССР), “Блюм намеревался отправиться на встречу с Москвой после остановки по пути в Лондоне”²⁵.

Уже в декабре 1936 г. министр иностранных дел Франции И. Дельбос, выступая в парламенте от имени французского правительства, заявил, что все вооруженные силы Франции (на суше, на море и в воздухе) будут немедленно двинуты в дело, если Великобритания подвергнется неспровоцированной агрессии²⁶.

Усложнение ситуации в Европе в 1937–1938 гг. обострило проблему союзников в назревавшей войне. По мере поправления французского правительства «для французских правых “красная угроза” была страшнее “коричневой опасности”»²⁷. Франция уже во многом уступила инициативу в решении глобальных европейских проблем (в том числе, и испанской) Великобритании, и вопрос о ее союзнчестве почти не вызывал сомнений у британских политиков. “Видя, что Франция каждую свою акцию спешит согласовывать с Лондоном, англичане все больше привыкают к такому положению, приобретая вкус к командованию, и порою не только не считаются с интересами Франции, но бесцеремонно ставят ее перед лицом свершившихся фактов”, – записал в своем дневнике в январе 1937 г. полпред СССР во Франции В.П. Потемкин²⁸.

Иллюстрацией этого вывода может служить и англо-итальянское “джентльменское соглашение” (январь 1937 г.), и английские (односторонние) предложения по выходу

²¹ DBFP, 2nd ser., v. 17, doc. 84, p. 91; doc. 200, p. 270; ap. 1, p. 773.

²² Один из характерных примеров – беседа советского полпреда В.П. Потемкина с министром иностранных дел Франции И. Дельбосом 18 ноября 1936 г. – АВП РФ, ф. 0136, оп. 20, п. 167, д. 828, л. 173.

²³ DBFP, 2nd ser., v. 17, doc. 200, p. 270.

²⁴ АВП РФ, ф. 0136, оп. 20, п. 167, д. 828, л. 55-б.

²⁵ Цит. по: *Colton J. Leon Blum. Humanist in Politics.* New York, 1966, p. 211.

²⁶ АВП РФ, ф. 069, оп. 21, п. 62, д. 4, л. 25–26.

²⁷ *Чельшев И.А. СССР – Франция: трудные годы 1938–1941.* М., 1999, с. 22.

²⁸ АВП РФ, ф. 011, оп. 1, п. 7, д. 73, л. 9.

из кризиса политики невмешательства в дела Испании июня–июля 1937 г., и англо-итальянское соглашение 1938 г., и ряд аналогичных внешнеполитических акций Великобритании. В августе 1937 г. Кулондр в беседе с Потемкиным жаловался, что Англия не выдерживает линии согласованной англо-французской политики и “не в первый раз ставит французов перед фактом своих двусторонних соглашений с такими партнерами, как Германия и Италия... что особенно явно в Комитете по невмешательству, эта неустанная тактика Англии ставит Францию в ложное положение”²⁹. В Комитете по невмешательству с лета 1937 г. Франция почти полностью следовала британскому курсу. По мнению И.М. Майского, К. Шотану, Л. Блюму и И. Дельбосу следовало бы чаще вспоминать Л. Барту, который “умел оказывать сильнейшее влияние на Лондон, нередко он диктовал свою волю Форин-оффису”³⁰.

С другой стороны, нужно иметь в виду, что французская дипломатия понимала и знала, что при министре иностранных дел Л. Барту “заинтересованность Англии в дружбе с Францией была значительно меньше, чем сейчас”, и что “Англия не уйдет от Франции, ибо в этом случае она оказалась бы целиком на милости у германо-итальянского блока”³¹. Можно согласиться с мнением российского исследователя И.А. Чельшева, что лидирующее положение одной из держав в политическом или военно-политическом союзе не означает автоматического лишения другой самостоятельности и инициативы во внешней политике³².

Франция устраивала Англию как партнер, но партнер ведомый. Устраивало ли это Францию? Но был ли у нее выбор? Что мог ей предложить Советский Союз?...

Для Франции и СССР в годы испанской войны антифашизм, к сожалению (в плане ближайшей перспективы), не стал основополагающим принципом сближения. В октябре 1936 г. Дельбос в беседе с Потемкиным обращал его внимание на то, что гитлеровская пропаганда доказывает идею советского стремления к всеобщей войне через обострение испанского вопроса. А генеральный секретарь МИД Франции А. Леже и директор бюро прессы и информации МИД А. Комэра, по мнению советского дипломата, “нам достаточно определенно сигнализируют, что в случае вооруженного конфликта из-за Испании нам нечего рассчитывать на Францию, которая до конца намерена выдерживать линию невмешательства”³³.

Цели не потерять Францию как потенциального партнера были подчинены и начавшиеся в ноябре 1936 г. секретные военные франко-советские переговоры, закончившиеся безрезультатно. Советское руководство рекомендовало своим дипломатам в Париже не форсировать решения французского правительства. Еще летом 1937 г. советская сторона не теряла надежды на их возобновление³⁴.

Французская блокировка с Англией по вопросам невмешательства вызвала адекватную реакцию советского руководства. Комментируя заявления французского премьера К. Шотана (декабрь 1937 г.), что “можно было бы и совсем не говорить о франко-советском пакте, если бы только Англия дала Франции достаточные гарантии ее внешнеполитической безопасности”, руководство НКВД в категоричной форме выражало недовольство “линией французской внешней политики и – персонально – поведением Дельбоса. Решено держаться от французов подальше, не пускаться с ними ни на какие интимности и тем более не делать им никаких авансов. Они должны понять, что нам ясна их тактика и что мы не создаем себе иллюзий насчет отношения нынешнего правительства к франко-советскому сотрудничеству. Франция нуждается в СССР; мы же без труда можем обойтись и без французов”³⁵.

²⁹ Там же, ф. 0136, оп. 21, п. 169, д. 837, л. 15.

³⁰ Там же, ф. 069, оп. 21, п. 62, д. 4, л. 117.

³¹ Там же, ф. 082, оп. 20, п. 86, д. 4, л. 129.

³² Чельшев И.А. Указ. соч., с. 24.

³³ АВП РФ, ф. 0136, оп. 20, п. 167, д. 828, л. 143–144.

³⁴ Там же, оп. 21, д. 837, л. 3; оп. 21, п. 169, д. 839, л. 27.

³⁵ Там же, ф. 011, оп. 2, п. 17, д. 165, л. 8–9.

Почти за полгода до Мюнхена – “второго Седана для Франции” – советская дипломатия делала вывод, что «наш пакт существует только на бумаге, находится в состоянии “анабиоза”»³⁶.

В октябре 1938 г. “создавшееся новое международное положение и видящиеся за ним перспективы” дали основание советскому руководству поставить вопрос об эвентуальном денонсировании франко-советского пакта, правда, он был “*решен пока*” (курсив мой. – В.М.) в отрицательном смысле”, по словам М.М. Литвинова, с учетом происходящего в Берлине, Лондоне и Париже³⁷.

Таким образом, запугивая Францию, Великобританию, а вместе с ней Германию и Италию за годы испанской войны удалось “оторвать” ее от СССР (который в сложной предвоенной политической игре не смог предложить Франции более весомые, чем Англия, “kozyри”). Оппозиционная британская “Манчестер гардиан” пророчески подытоживала этот курс в январе 1939 г.: “Чемберлен берет на себя ответственность, рекомендуя дружественному правительству (Франции. – В.М.) политику, которая может оказаться роковой для ее независимости”³⁸.

Английское отношение к потенциальному альянсу с СССР за время испанской войны, несмотря на некоторые колебания, можно охарактеризовать как в целом отрицательное. Это проявилось как в попытках недопущения СССР к подписанию Соглашения о невмешательстве на стадии его подготовки (август 1936 г.), так и в британской тактике в Комитет по невмешательству (например, создании в нем к ноябрю 1937 г. единого фронта западных держав). Этот вопрос, как свидетельствует анализ стенограмм заседаний британского кабинета и Комитета по имперской безопасности, ими регулярно рассматривался. Так, 13 октября 1937 г. при обсуждении международной ситуации министр внутренних дел Дж. Саймон подчеркнул, что почти полное совпадение позиций Великобритании по невмешательству с французскими не должно привести к образованию англо-франко-советского блока и что нужно разубеждать Францию от принятия такого курса³⁹. Месяц спустя совещание глав штабов при Комитете по имперской безопасности анализировало следующий расклад сил на европейской арене: враждебные Германия с Италией, кооперация с Францией и Бельгией; России отводилась роль нейтральной страны или союзника (на крайний случай), что почти не отличалось от выводов Комитета по имперской безопасности от 5 июля 1937 г.⁴⁰

Возможность формирования антифашистской коалиции на почве испанских событий периодически зондировалась в Лондоне советской дипломатией. Параллельно она регулярно подчеркивала опасность фашизации Испании и необходимость создания блока на этой почве⁴¹.

Вывод британского руководства в мае 1939 г., что “возможная перспектива противостояния Испании с военной точки зрения не должна встать на пути заключения пакта с Советской Россией”, можно с сожалением отнести к запоздалому прозрению⁴². Именно об этом времени У. Черчилль позже напишет: “Наши акции котировались очень низко”⁴³.

Советское руководство, справедливо заключая, что “было бы ошибкой за испанскими деревьями не видеть леса мировой политики”, отдавало себе отчет, что в итоге “испанский вопрос, несомненно, значительно ухудшил наше международное положение. Он испортил наши отношения с Англией и Францией, посеял сомнения в Бухаресте и даже Праге”⁴⁴.

³⁶ Там же, л. 201, 111.

³⁷ Там же, л. 203: Литвинов – Сурицу, 17 октября 1938 г.

³⁸ Manchester Guardian, 20.I.1939.

³⁹ DBFP, 2nd ser., v. 19. London, 1982, doc. 244, p. 403.

⁴⁰ Ibid., doc. 316, p. 501–511; v. 18, doc. 15, p. 22–26.

⁴¹ АВП РФ, ф. 069, оп. 20, п. 60, д. 4, л. 52–53.

⁴² Цит. по: Stone G. The European Great Powers and the Spanish Civil War. – Spain and the Great Powers..., p. 224.

⁴³ Черчилль У. Вторая мировая война, в 6 т. М., 1997–1998. Т. 1. Надвигающаяся буря, с. 173.

⁴⁴ АВП РФ, ф. 069, оп. 20, п. 60, л. 48–49; ф. 05, оп. 16, д. 64, л. 46.

Что касается англо-итальянского или франко-итальянского объединения на антигерманской почве, то уже война Италии в Абиссинии сделала его весьма проблематичным. Нейтральная позиция Германии в абиссинском вопросе и пассивность Италии в рейнском конфликте 1936 г. давали неплохое основание для сближения их собственных позиций. Эту мысль подчеркнул Муссолини уже 11 июня 1936 г., считая, что формируется “лучший базис для политической кооперации, чем предыдущие пакты или эмоциональные отношения”⁴⁵.

Бесспорный вывод, что Гражданская война в Испании “окончательно подтолкнула Муссолини в объятия Гитлера”⁴⁶, нуждается в некоторой конкретизации. Несмотря на значительное совпадение тактик Гитлера и Муссолини в начале испанской войны, британская дипломатия считала это не более чем демонстрацией возможности сближения: в рассматриваемый период Гитлер связывать своей судьбы с Муссолини не хотел, большинство руководителей Германии не доверяли Италии: “Берлин считает, что на итальянцев полагаться нельзя и что Муссолини неоднократно уже менял и будет менять свою внешнеполитическую ориентацию. В Германии не забыли ни печального урока мировой войны, ни колебаний Муссолини между Берлином и Парижем все эти годы. ... Гитлер считает, что так же, как сейчас Муссолини ищет дружбы и близости Германии, завтра, если ему это понадобится, Италия снова будет стремиться к соглашению с Францией и Англией”⁴⁷. Отсюда – сдержанность Берлина и столь существенное различие между объемом и характером итальянских “заигрываний” и немецких ответов на них.

Британская дипломатия также полагала, что “флирт с Римом” укрепляет внешнеполитические позиции Гитлера. Советская добавляла: “Если прибавить значение нынешних испанских событий, важность укрепления внутренних режимов... то объективных предпосылок для итало-германского со-трудничества будет еще больше”⁴⁸.

Англо-итальянское соперничество в Средиземном море, обострившееся с началом войны в Испании, делало для Муссолини поддержку Германией еще более актуальной. Показателем некоторой синхронизации итальянских и германских действий в отношении Испании станет их формальное присоединение к Соглашению о невмешательстве, вхождение в Комитет по невмешательству и пусть не всегда согласованная, но схожая тактика в этой организации: максимальное сопротивление любым легитимным попыткам облегчить положение Испанской республики.

К “единству взглядов и установлению общей линии поведения”, легших, как известно, в основу “оси” Берлин – Рим (октябрь 1936 г.), добавлялось и “признание того факта, что генералу Франко подчиняется большая часть испанского народа, одновременное установление принципа невмешательства и отклонение всяких претензий на испанские владения”. Комментируя визит Г. Чиано в Берлин, во время которого была сформирована эта “ось”, полпред СССР в Германии Я.З. Суриц писал: “на данном этапе испанская проблема, по-видимому, является стержнем германо-итальянского сотрудничества”⁴⁹. В те дни “Франкфуртер цайтунг” указывала, что единство взглядов Германии и Италии выразится в дальнейшем “параллелизме действий”⁵⁰, что и воплотилось в признании 18 ноября 1936 г. фашистскими странами правительства Франко в Испании.

К концу 1936 – началу 1937 г. “германская карта” стала у Муссолини едва ли не основной, несмотря на все неудобства игры именно этой картой. Дуче не оставит идеи использования ее в качестве “козыря” после заключения “джентльменского соглашения” с Великобританией. Советская дипломатия полагала, что “Муссолини пытается примирить обе эти линии и создать треугольник Берлин – Рим – Лондон.

⁴⁵ DGFP, ser. C, v. 5, p. 775.

⁴⁶ Henig R. The Origins of the II World War. 1933–1939. London – New York, 1992, p. 29.

⁴⁷ АВП РФ, ф. 098, оп. 19, п. 114, д. 658, л. 116.

⁴⁸ DBFP, 2nd ser., v. 17, doc. 84, p. 90; АВП РФ, ф. 098, оп. 19, п. 114, д. 658, л. 117, 118.

⁴⁹ АВП РФ, ф. 082, оп. 19, п. 83, д. 4, л. 125, 115, 116.

⁵⁰ Frankfurter Zeitung, 26.X.1936.

Ему представляется, что базой этого треугольника для данного момента может явиться испанская проблема”⁵¹.

Углубление вовлеченности фашистских стран в испанский конфликт позволило советской дипломатии в феврале 1937 г. сделать вывод, что “вопросы, разделяющие эти страны, как, например, австрийский, отступают сейчас на задний план перед вопросами, их сближающими, в особенности перед испанскими событиями”⁵².

Германия, подталкивая Италию в 1936–1937 гг. ко все большему втягиванию в испанскую авантюру, не торопилась связывать себя с нею более тесным альянсом, тем более что к аншлюсу Австрии еще не была готова ни сама Германия, ни общеевропейская ситуация. Как образно выразился французский посол в Берлине А. Франсуа-Понсе, “Титлер не приоткрыл двери в сторону соглашения, но и не прихлопнул ни одной”⁵³. И это – несмотря на дипломатическую активность обеих сторон, например в апреле–мае 1937 г.⁵⁴

Единая тактика при разрешении кризиса “невмешательства” (июнь–июль 1937 г.) также сблизил позиции фашистских стран и в испанском, и в общеевропейском вопросах. И хотя в итало-германских отношениях еще отмечались всплески взаимных провокаций и шантажей, к тому времени аншлюс Австрии – яблоко раздора между Италией и Германией – становился вопросом времени.

Германия позволила Италии “увязнуть” в Испании, как ранее в Абиссинии, что ощутимо пошатнуло положение той в Средиземноморье. Затруднялась активная политика Италии в Придунайском бассейне и на Балканах, где заметно усилилась германская. Муссолини стремился к завершению испанской авантюры (но его устраивал только победный вариант). Франко же начинал тяготиться излишней “опекой” дуче⁵⁵.

Ситуация в германо-итальянском мезальянсе лета–осени 1937 г. означала очевидное лидерство Германии и заметная подчиненность Италии ее курсу, в том числе и “испанскому”. В начале августа 1937 г. советский полпред в Германии К.К. Юренев писал в дневнике: «Германия знает, что Италия по существу у нее в руках и что, потеряв германскую поддержку, акции Италии сильно пали бы на всех “политических биржах”»⁵⁶.

Дальнейшим расширением диапазона совместных германо-итальянских действий знаменовался визит Муссолини в Берлин (октябрь 1937 г.): диктаторы договорились о единой линии по ряду внешнеполитических вопросов, в том числе испанскому, средиземноморскому, колониальному, дальневосточному.

У Германии и Италии появлялась очередная удобная возможность продемонстрировать Франции и Англии силу и сделать их сговорчивее как в общеевропейских, так и в колониальных вопросах: “отдельные представители итальянской дипломатии всегда утверждали, что сближение Рима с Берлином в планах Муссолини играет роль рычага, при помощи которого он намерен был заставить Лондон пойти на соглашение с ним”, – писал полпред в Италии Б.Е. Штейн М.М. Литвинову в январе 1937 г.⁵⁷

Напомним, что юридически оформленного варианта германо-итальянского сотрудничества на том этапе не было. Можно согласиться с мнением французской дипломатии, выраженном накануне визита Муссолини в Берлин: “Страны фашистской диктатуры, вроде Германии и Италии, не нуждаются для своих замыслов в договорах и протоколах.

⁵¹ АВП РФ, ф. 011, оп. 1, д. 35, л. 6, 20, 23.

⁵² Там же, ф. 082, оп. 20, п. 86, д. 4, л. 28.

⁵³ Там же, л. 33.

⁵⁴ Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов: 1934–1940, в 2-х кн. М., 1998. Кн. 2. 1938–1940, с. 477; АВП РФ, ф. 082, оп. 20, п. 86, д. 4, л. 68–69.

⁵⁵ П. Престон справедливо подчеркивает, что Франко “вовсе не улыбалась перспектива, когда Муссолини будет подносить ему победу за победой”. – *Престон П.* Франко. М., 2001, с. 173.

⁵⁶ АВП РФ, ф. 082, оп. 20, п. 86, д. 4, л. 128.

⁵⁷ Там же, ф. 011, оп. 1, п. 4, д. 35, л. 17.

Гитлер и Муссолини подписывают документы лишь в том случае, когда почему-либо хотят добиться взаимного или выгодного внешнеполитического эффекта. Для серьезных же и агрессивных планов Италия давно уже отказалась от фетишизма подписания бумажек. Опыт испанской интервенции является наглядной тому иллюстрацией»⁵⁸.

Ставший в феврале 1938 г. министром иностранных дел Германии И. Риббентроп более активно проводил линию на сближение с Италией. По мнению советской дипломатии, «линия Риббентропа – это усиление “оси” Рим – Берлин – Токио и ослабление контактов Лондон – Берлин, еще более агрессивная политика в Центральной Европе (Чехословакия, Австрия) и, главное, активизация интервенции в Испании»⁵⁹.

Дальнейшее развитие итало-германской кооперации преследовало, кроме укрепления собственно союза, скорую и полную ликвидацию республики его силами.

События 1938 г. внесли принципиально новые акценты в палитру международных предвоенных отношений. Но и до, и после Мюнхена процесс блокировки шел, безусловно, под сильным влиянием испанских событий. Как считала советская дипломатия, испанский вопрос “сыграл едва ли не решающую роль в темпах и сроке окончательного сговора Италии с Германией”. Аналогичной точки зрения придерживалась и Великобритания⁶⁰.

Фашистские страны, безусловно, выиграли, выключив Франко из числа потенциальных союзников Англии и Франции в 1936–1938 г. Но этот стратегический выигрыш был недолгим. В сентябре 1938 г., в разгар мюнхенского кризиса, Франко, вопреки ожиданиям Берлина и Рима, провозгласил нейтралитет Испании на случай войны. Доказывая необходимость усиления союза, Гитлер и Муссолини побудят Франко присоединиться в марте 1939 г. к антикоминтерновскому пакту. Тем самым Англия и Франция лишались гарантированно нейтрального поведения Испании в надвигающейся войне. Но в августе 1939 г. каудильо подтвердил свое намерение оставаться нейтральным, что было совершенно оправданным с точки зрения национальных интересов разоренной глубоким гражданским конфликтом страны⁶¹.

Испанские события предоставили удобную возможность проверить на прочность общности интересов ведущих стран. Если абиссинский кризис 1935–1936 гг. наметил робкие контуры военно-политических союзов, испанский станет их более прочным “цементирующим раствором”. Основная блокировка будет идти в направлении: демократические страны против фашистских, при наличии ряда боковых векторов. Все участники пытались вести многокомбинационную игру.

Интернационализация Гражданской войны в Испании не стала побудительным мотивом объединения антифашистских сил. Наибольшую неадекватность проявило французское руководство. Не всегда последовательной была тактика советской стороны. Солидарность с республикой оставляла СССР в одиночестве на европейской арене. Тем самым он противопоставил себя западным странам и в определенной мере предопределил свою изоляцию и в Комитете по невмешательству, и в Европе.

Не менее важен другой международный аспект Гражданской войны в Испании – политика “невмешательства”. Соглашение о невмешательстве в дела Испании как серия двусторонних соглашений было подписано в августе 1936 г. 27 европейскими странами. Они и СССР были взаимны в желании связать друг друга пусть формальным, но обязательством не вмешиваться в испанские дела. Но Италия и Германия уже определились в своих интересах в Испанской войне и помогали мятежникам. О каком “невмешательстве” шла речь?! Политическая наивность – полагать, что помощь прекратится, и она не была свойственна никому из политических лидеров стран, начинавших непростую

⁵⁸ Там же, л. 192.

⁵⁹ Там же, оп. 2, п. 17, д. 165, л. 53.

⁶⁰ Там же, оп. 1, п. 4, д. 35, л. 17.

⁶¹ DGFP. Ser. D (1937–1945). V. 3. Germany and the Spanish Civil War 1936–1939. Washington, 1950, doc. 622, p. 950–951; doc. 638, p. 969–970; doc. 641, p. 972–973; doc. 659, p. 991; *Merkes M. Die deutsche Politics im Spanischen BurgerKrieg 1936–1939. Bonn, 1969, p. 328–329.*

политическую игру под названием “невмешательство”. Скорее Англия, Франция и СССР надеялись, что соглашение о невмешательстве не даст разрастись масштабам внутреннего конфликта. Участники соглашения пошли на заведомо невыполнимые условия, чтобы отвести от себя подозрения в симпатиях и не спровоцировать обострение отношений с другими странами.

Присоединяясь к соглашению, каждый из первых пяти основных его участников оставался при своем понимании “невмешательства”, чем ощутимо затруднялась в последующем работа Комитета по невмешательству. Различие в понимании назначения декларации о невмешательстве обрекало этот документ на непродуктивность.

Соглашение о невмешательстве представляло собой, скорее, декларацию о намерениях. Оно было нелегитимно с точки зрения международного права и не содержало механизма реализации, хотя опыт недавних санкций Лиги наций против Италии должен был научить как политиков, так и юристов максимально четко прописывать как основные положения соглашения, так и формы его применения и, безусловно, санкции против нарушителей.

Аморфность и обтекаемость соглашения таили в себе и искушение, и опасность его нарушить в скором будущем. Отмечая все изъяны и слабости политики невмешательства, ее запрограммированную несостоятельность, нужно признать, что альтернативы ей в рассматриваемый период, к сожалению, не было.

Франция в конце августа 1936 г. предложила создать международный Комитет по применению соглашения о невмешательстве в дела Испании. Великобритания заявила о готовности предоставить Лондон как место работы данной организации.

Первый серьезный кризис политика невмешательства пережила уже в октябре 1936 г. Назревавший из-за бездеятельности комитета, он был катализирован советскими заявлениями 7 и 23 октября. К этому времени Советский Союз начал оказывать военную помощь Испанской Республике, информация о чем имелаась у стран – членов комитета. В заявлении Кагана повторялось требование сконцентрировать внимание этой международной организации на расследовании действий Португалии, через которую мятежники получали оружие и аммуницию. Подчеркивалось, что сложившаяся ситуация делала соглашение о невмешательстве несуществующим и что в случае продолжения нарушений соглашения Советский Союз будет считать себя свободным от его обязательств⁶². Советское заявление от 7 октября опережало ожидаемый поток обвинений в адрес СССР. Выходить из комитета Советский Союз не планировал, в случае срыва соглашения Германия и Италия получили бы большую возможность посылать оружие мятежникам, чем он – законному правительству. В советском заявлении на заседании комитета 23 октября 1936 г. подчеркивалось, что ввиду систематических нарушений другими странами соглашения о невмешательстве советское правительство не считает себя связанным им в большей степени, чем любой из остальных участников⁶³.

Сохранение видимости невмешательства отвечало в тот момент интересам всех членов комитета. Крах этой политики повлек бы еще более серьезные осложнения в международных и двусторонних отношениях, чем сам факт начала испанской войны. 24 октября 1936 г. на встрече Идена с французским послом Ш. Корбеном была достигнута договоренность, что оба правительства будут действовать в тесном контакте по выводу “невмешательства” из кризиса и делать все, чтобы “сохранить комитет действующим”⁶⁴.

Первый кризис политики невмешательства (осень 1936 г.) был преодолен относительно безболезненно для международных отношений, но осложнил двусторонние, углубил собственно испанский кризис. Никто не был готов и способен его разрешать.

⁶² АВП РФ, ф. 69, оп. 24, п. 77, д. 5, л. 116; Документы внешней политики (далее – ДВП) СССР. Т. 19. 1 января – 31 декабря 1936 г. М., 1974, с. 463–464.

⁶³ АВП РФ, ф. 069, оп. 20, п. 60, д. 9, л. 95.

⁶⁴ DBFP, 2nd ser., v. 17, doc. 327, p. 465.

Кризис продемонстрировал, что одной из острейших проблем политики невмешательства являлся контроль над поставками оружия и амуниции в Испанию.

Дебаты по содержанию проекта контроля шли в комитете и подкомитете в конце октября – первой половине ноября 1936 г. 12 ноября 1936 г. комитет утвердил предложенную председателем И. Плимутом схему контроля, но это не привело к принятию конкретных мер. Обсуждались детали, увязки применения плана контроля на практике⁶⁵.

В политике невмешательства к концу 1936 г. сложилась двойственная ситуация: функционирование комитета, ряд членов которого – Германия, Италия, с одной стороны, и СССР – с другой, помогали разным воюющим сторонам. При этом первые почти не пытались скрыть своего присутствия в испанской войне, участие в Комитете по невмешательству носило для них подчиненный характер, следовательно, и дискуссии по основным вопросам играли не первостепенную роль.

В английской позиции тесно переплетались две тенденции: боязнь как “красной Испании”, так и перспектив итало-германского господства на Пиренейском полуострове. Эта тактика варьировалась в зависимости от обстановки в самой Испании и в Европе. Поэтому в Комитете по невмешательству Великобритания имитировала относительно активную деятельность по урегулированию испанского вопроса (на уровне дебатов), не выказывая действительного стремления к реализации нужных мер. Характеризуя ситуацию, Майский сравнивал британское правительство с гувернанткой, «до смерти напуганной диким хулиганством опекаемого ею ребенка. Но так как ни английская, ни французская гувернантки никогда до сих пор не решались отшлепать берлинского хулигана, то несколько не удивительно, что Гитлер и на этот раз решил показать кулак своим “воспитателям”»⁶⁶. Франция по большинству позиций в комитете солидаризировалась с Англией.

Англо-французский план от 24 декабря 1936 г., предложенный в комитете, предполагал установление контроля на франко-испанской и испано-португальской границах, патрулирование прибрежных вод Испании военным флотом стран – участниц соглашения⁶⁷. Согласованные на заседании подкомитета 15 февраля 1937 г. планы по вопросам о добровольцах и о контроле должны были вступить в силу, соответственно, 20 февраля и 6 марта. Схема контроля обладала рядом слабых мест: поставки по воздуху не затрагивались, португальское побережье не патрулировалось. План не предусматривал санкций против стран – нарушителей соглашения⁶⁸.

Советская дипломатия, проводя линию в Комитете по невмешательству на установление контроля, периодически шантажировала его участников угрозой своего выхода из этой организации в ответ на проволочки в решении проблем. В начале февраля 1937 г. выход СССР из комитета допускался уже не в декларативной форме: “Возможно, в случае неудовлетворения наших требований, мы даже уйдем из комитета”, – писал Литвинов в Мадрид Розенбергу⁶⁹.

Обладавший принципиальными недостатками контроль способствовал дальнейшим успехам мятежников. Он не устраивал ни одну из сторон, ведших борьбу в Испании или стоявших за ними. Но европейские страны вынуждены были играть экспромтом, по правилам, складывавшимся в ходе “игры”. Италия, Германия и СССР получали возможность хоть частично отвести от себя обвинения в нарушении Соглашения о невмешательстве. От поддержки воюющих сторон никто из них отказываться не планировал. Великобритания и Франция получали возможность продемонстрировать приверженность политике “невмешательства”. Это станет обычной практикой в дальнейшей деятельности Комитета по невмешательству.

⁶⁵ АВП РФ, ф. 010, оп. 11, п. 71, д. 55, л. 237–239, 249–250; ф. 69, оп. 27, д. 29, л. 109–110.

⁶⁶ Там же, ф. 069, оп. 21, п. 62, д. 4, л. 36–37.

⁶⁷ Там же, ф. 69, оп. 27, д. 25, л. 54–56.

⁶⁸ ДВП СССР. Т. 20. Январь–декабрь 1937. М., 1976, с. 86.

⁶⁹ АВП РФ, ф. 69, оп. 27, д. 27, л. 60–61; д. 28, л. 122–123; ф. 05, оп. 16, д. 64, л. 66–67; ф. 097, оп. 12, д. 15, л. 39; ф. 011, оп. 1, п. 4, д. 37, л. 14.

Можно утверждать, что Комитет по невмешательству на первом этапе своего функционирования при ведущей роли британской дипломатии, соглашательстве Франции, одобрении фашистских государств саботировал большинство инициатив, способных смягчить испанский конфликт, расценивая их не как попытку урегулирования, но как стремление советской стороны к “коммунистической экспансии”. Тем самым серьезных оснований для локализации испанского конфликта к весне 1937 г. создано не было. Он приобретал все более затяжной характер, обостряя международные отношения в Европе. Нарастание фактора силы в конфликте на Пиренейском полуострове побуждало к принятию хотя бы частичных мер для сохранения видимости “невмешательства”.

Второй этап деятельности Комитета по невмешательству окажется более драматичным для Испании и углубит расхождения между его членами. Условной границей в политике невмешательства можно считать кризис июня–июля 1937 г. На том этапе наряду с вопросами контроля и волонтерства значительно обострится проблема прав воюющих сторон. 29 мая 1937 г., после бомбардировки испанцами немецкого крейсера “Дойчланд”, Германия и Италия заявили о своем выходе из комитета и отказе от участия в морском патрулировании. Британская дипломатия попыталась разрешить конфликт с участием стран, осуществлявших контроль: Англии, Франции, Германии, Италии. По мнению руководства Великобритании, переговоры четырех держав являлись “наиболее обнадеживающим методом обеспечить возвращение германских и итальянских представителей к полному сотрудничеству в работе комитета”⁷⁰.

Следующую стадию кризиса политики невмешательства (лето 1937 г.) знаменовали заявления Италии и Германии от 23 июня о прекращении участия их судов в патрулировании испанского побережья. В качестве предлога этими странами был использован факт атак республиканцами (15 и 18 июня) германского крейсера “Лейпциг”. Италия и Германия настаивали на экстренном принятии мер против республиканцев⁷¹. Франция, переживавшая в те дни внутривластный кризис и смену кабинета, в особый расчет фюрером и дуче не принималась. Германия настаивала на демонстрации республике силы, но на это не пошли Британия и Франция, предложив выступить с предупреждением обеих испанских сторон⁷². Англия искала компромисс. Свое возвращение к патрулированию Италия и Германия ставили в зависимость от признания за Франко прав воюющей стороны, что было снова подчеркнуто послом в Лондоне И. Риббентропом 22 июня на встрече четырех держав на уровне послов в Лондоне⁷³. Итальянская печать большое внимание уделила ноте Франко, требующего признания за ним этих прав⁷⁴.

Заручившись французской поддержкой (согласие на компромисс: признание прав воюющей стороны за Франко после вывода из Испании волонтеров), Англия выдвинула 14 июля 1937 г. новый план урегулирования кризиса политики “невмешательства”, по основным пунктам совпадавший с итало-германским предложением от 2 июля и предусматривающий предоставление Франко прав воюющей стороны⁷⁵. По мнению Литвинова, это противоречило установке о непризнании за Франко этого статуса ни при каких условиях. Испанское правительство передавало через своего посла в Москве М. Паскуа просьбу советским дипломатам “возражать против подобного компромисса”⁷⁶.

Британский план был доброжелательно встречен руководителями Италии и Германии⁷⁷. 16 июля 1937 г. на заседании Комитета по невмешательству он был принят за основу для обсуждения и передан в подкомитет, заседание которого было назначено

⁷⁰ Там же, ф. 011, оп. 1, п. 4, д. 103, л. 95–96.

⁷¹ DGFP, ser. D, v. 3, doc. 339–353, p. 354–368; DBFP, 2nd ser., v. 18, doc. 627, p. 911–912.

⁷² DGFP, ser. D, v. 3, doc. 343, p. 359; doc. 347, p. 362.

⁷³ DBFP, 2nd ser., v. 19, doc. 1, p. 2.

⁷⁴ АВП РФ, ф. 098, оп. 21, д. 5, л. 50.

⁷⁵ Там же, ф. 69, оп. 27, д. 25, л. 146–150.

⁷⁶ ДВП СССР, т. 20, с. 382; прим. 146, с. 737; АВП РФ, ф. 069, оп. 21, д. 8, л. 141.

⁷⁷ DBFP, 2nd ser., v. 19, doc. 63, note 2, p. 117.

на 20 июля. Стремление западных держав возможно быстрее принять британский план урегулирования ситуации в Испании подтверждается и фактом созыва заседаний подкомитета 20 июля дважды. Критика советской дипломатией существа английского предложения была воспринята как обструкционизм, ей инкриминировался провал всей системы невмешательства⁷⁸. “Символическая” эвакуация волонтеров, предлагавшаяся английской дипломатией (например, по 5 тыс. человек с каждой стороны) как условие предоставления Франко прав воюющей стороны, на практике означала, что он потерял бы 5% иностранных войск, а республиканцы – около трети⁷⁹.

Бескомпромиссность Советского Союза в вопросе о контроле и правах воюющих сторон вызвала у западных дипломатических и политических кругов стремление отстранить его от решения важнейших проблем невмешательства. Особенно активны в этом плане были Великобритания и Германия. Дальнейшая деятельность британской дипломатии в Комитете по невмешательству свидетельствовала о некотором временном совпадении интересов этих стран в указанном направлении. В те же дни Кулондр по поручению своего правительства вновь пытался убедить Литвинова изменить советскую тактику в комитете, мотивируя это “необходимостью избежать устранения СССР от дел комитета” и подчеркивая риск изоляции СССР⁸⁰.

Как следует из дневника Майского, на встрече с ним 27 июля Иден считал, что “все невмешательство сейчас висит на волоске”. Он убеждал советского посла, что лучше бы срыв произошел в итоге действий Италии и Германии: до вопроса о правах воюющей стороны дело не дойдет, а если проблема “волонтеров” потерпит крах, ответственность за это можно будет возложить на Германию и Италию. Иден просил передать содержание этой беседы Литвинову⁸¹.

Близкая к тупиковой ситуация, сложившаяся к началу августа 1937 г. в ходе обсуждения английского плана, подтолкнула подкомитет при комитете фактически единогласно принять решение отложить обсуждение на неопределенное время.

Во второй половине сентября 1937 г. Англия и Франция, не консультируясь с другими членами Комитета по невмешательству, прекратили патрулирование испанского побережья, что было одним из первых шагов их открытого отказа от политики невмешательства. Комитет по невмешательству возобновил обсуждение вопроса о волонтерах в октябре 1937 г. Правительства Англии и Франции предприняли новую попытку привлечь Италию к переговорам о выводе добровольцев из Испании. В Лондоне надеялись на поддержку Римом английских предложений хотя бы в символической форме. Германская сторона допускала возможность (что было поддержано Великобританией) достижения соглашения при условии, что в нем не будет участвовать СССР⁸². Майский, пытаясь отсрочить решение вопроса о статусе воюющих сторон, на заседании комитета 19 октября заявил, что СССР согласится на предоставление Франко прав воюющей стороны только при условии полного вывода иностранных войск из Испании⁸³.

Ситуация в Европе и в Испании осени 1937 г. значительно усложнилась, что могло быть чревато и роспуском комитета, и решением в нем вопросов без участия особо строптивных членов. 27 октября 1937 г. А. Иден телеграфировал послу в Москве Д. Чилстону: “Положение в комитете столь критично, и возможные последствия столь серьезны, что я должен просить Вас обратиться с просьбой о личной встрече со Сталиным, а если это окажется невозможным, просить встречи с Литвиновым”⁸⁴. Британский

⁷⁸ The Times, 27, 30, 31.VII.1937; 2.VIII.1937; The Observer, 1.VIII.1937.

⁷⁹ АВП РФ, ф. 69, оп. 27, д. 34, л. 50–51; DBFP, 2nd ser., v. 19, doc. 75, p. 134–135; doc. 63, p. 117, doc. 66, p. 120–121.

⁸⁰ Documents diplomatique français, 2eme sér., t. 6, p. 554–555, 556; DBFP, 2nd ser., v. 19, p. 151.

⁸¹ АВП РФ, ф. 069, оп. 21, п. 62, д. 4, л. 104–105.

⁸² DGFP, ser. D, v. 3, doc. 441, p. 465.

⁸³ ДВП СССР, т. 20, с. 552–554; *Майский И.М.* Воспоминания советского посла, в 2-х т. М., 1964, т. 2, с. 403.

⁸⁴ DBFP, 2nd ser., v. 19, doc. 271, p. 444.

посол должен был заострить внимание на советской точке зрения, как единственном препятствии, и подчеркнуть, что следствием полного единодушия в комитете будет продолжение решения проблем невмешательства без СССР. Чилстон в тот же день просил встречи со Сталиным, но принят не был под предлогом, что советский лидер в последнее время воздерживается от приема дипломатических представителей. После встречи 29 октября с Литвиновым, акцентировавшим существенные расхождения с Англией и Францией в политике невмешательства, Чилстон констатировал: “Советское правительство не верит, что наши предложения могут быть действительно эффективными для прекращения интервенции, а только дадут дальнейшую проволочку итальянцам”⁸⁵. Иден, в свою очередь, пригласив 27 октября Майского, предложил ему голосовать за британский план либо отклонить его, а в случае, если эвакуация не начнется, выйти из комитета⁸⁶. На заседании подкомитета 29 октября Майский отказался принять как английский план, так и французские предложения, внесенные 16 октября. Результатом сложившегося альянса западных держав в Комитете по невмешательству была поддержка всеми восемью (кроме СССР) членами подкомитета проекта резолюции, который был утвержден на пленарном заседании комитета 4 ноября 1937 г. и признавал в целом британский план от 14 июля 1937 г.⁸⁷

Техническая подкомиссия Комитета по невмешательству, обсуждавшая вопрос об усилении контроля, всеми голосами против одного – советского – приняла в конце ноября 1937 г. так называемую схему Ван-Дульма (контролеры на судах без морского патруля или каких-либо его эквивалентов)⁸⁸. На разработку практических мер по реализации ее и британского плана (от 14 июля 1937 г.) ушло около двух месяцев, однако, когда к началу 1938 г. основные моменты плана были обсуждены, работа комитета, подкомитета и их многочисленных комиссий начала постепенно замирать.

С конца 1937 – начала 1938 г. испанская проблема стала отодвигаться на второй план как в европейских, так и мировых международных проблемах (начало японской агрессии в Китае, нарастание чехословацкого кризиса), что неизбежно сказалось на политике невмешательства и конечной судьбе Испанской Республики. Ускорился процесс блокировки как внутри самого комитета, так и в Европе в целом. Н. Чемберлен, как и новый французский премьер Э. Даладье, стремился к скорейшему прекращению войны в Испании как одному из серьезных препятствий для заключения соглашений с Германией и Италией. Дальнейшее обсуждение плана теряло для них смысл, а потому пауза в заседаниях Комитета по невмешательству, которые Плимут откладывал под различными предлогами, затянулась почти на два месяца. Капитулянтская позиция британского и французского правительств в испанском вопросе проявлялась все четче и явственнее. В феврале–апреле 1938 г. подкомитет собирался по одному разу в месяц. В мае – трижды (два раза 26 мая), в июне – шесть раз (дважды 21 июня)⁸⁹.

К лету 1938 г. ситуация в Европе значительно осложнилась. 12 марта Германия осуществила аншлюс Австрии. Англо-итальянское соглашение о дружбе и сотрудничестве (апрель 1938 г.) фактически легализовало итальянскую интервенцию в Испании, поскольку Англия согласилась на вывод итальянских войск без указания точного срока. Велась закулисная подготовка Мюнхенского соглашения.

На заседании подкомитета 26 мая 1938 г. Плимут призвал к выполнению резолюции комитета от 4 ноября 1937 г. Англия и Франция представили согласованный текст плана, после чего на СССР было оказано давление, дабы и он его принял. 5 июля 1938 г. состоялось единственное в том году и последнее в ходе войны заседание Комитета по невмешательству. Компромиссный план, в основе которого лежал английский проект 1937 г., был принят Англией, Францией, Германией и Италией. Он предусматривал

⁸⁵ ДВП СССР, т. 20, с. 574, 578–579; DBFP, 2nd ser., v. 19, p. 445.

⁸⁶ ДВП СССР, т. 20, с. 573–574.

⁸⁷ Там же, с. 563; DBFP, 2nd ser., v. 19, doc. 292, p. 469.

⁸⁸ АВП РФ, ф. 011, оп. 1, д. 38, л. 132.

⁸⁹ Там же, ф. 69, оп. 27, д. 36, 37.

восстановление сухопутного и морского контроля испанских границ, эвакуацию волонтеров и предоставление прав воюющей стороны обоим борющимся лагерям Испании после отзыва 10 тыс. волонтеров из лагеря с их меньшим количеством, и после эвакуации пропорционально большего количества из лагеря с большим количеством волонтеров, посылку комиссий по подсчету добровольцев и т.д. 7 июля Каган получил директиву из Москвы о согласии СССР присоединиться к плану⁹⁰. Ни одна из сторон, принимавших этот план в Комитете по невмешательству, не восприняла его как серьезное средство прекращения конфликта. С учетом фактора нарастания центрально-европейского кризиса и с позиций национальных интересов ведущих европейских стран, видимость “невмешательства” в дела Испании устраивала всех его участников. В конце августа 1938 г. Плимут заявил, что не видит смысла в созыве комитета или подкомитета для обсуждения существа вопроса.

27 февраля 1939 г. Англия признала генерала Франко единственным законным правителем Испании⁹¹. Франция сделала это 25 февраля.

4 марта 1939 г. Майский по поручению советского правительства заявил о выходе из комитета, потерявшего всякий смысл. 20 апреля 1939 г. эта международная организация официально прекратила свою деятельность.

Политика “невмешательства” дорого обошлась самой Испании и всей системе международных отношений накануне Второй мировой войны, подрывая веру в действенность международных соглашений и договоров, способных остановить агрессию.

Испанский конфликт 1936–1939 гг. предоставил будущим участникам Второй мировой уникальную возможность активной подготовки к ней общественного мнения своих стран. Ворвавшись на страницы европейских газет короткими сообщениями июля 1936 г., Испанская гражданская война породила серьезнейшие информационную и пропагандистскую войны, обостряя поляризацию в Европе. Перед Британией и Францией встала задача оправдания политики “невмешательства” в дела Испании. Руководители Германии, Советского Союза и Италии провозгласили пропагандистскую поддержку противоборствующих сторон и собственной политики в Испании. Германия также опасалась идеологической солидарности Франции с республиканской Испанией и считала нужным запугивать ее как военно-политически (опасностью остаться в изоляции), так и идеологически. Идеологическая составляющая испанского конфликта незримо присутствовала во всех других его международных аспектах.

В Великобритании и во Франции пропаганда приурочивалась к конкретным событиям испанской войны, а в Италии, Германии и Советском Союзе велась систематически, лишь иногда сбавляя или наращивая темпы.

Уже в начале августа 1936 г. английское руководство выражало опасение по поводу перспективы создания враждебных идеологических блоков в Европе в связи с событиями в Испании. Аналогичную настороженность на протяжении всей испанской войны высказывала французская сторона⁹².

Кампания в Германии в связи с началом фашистского мятежа в Испании (июль–август 1936 г.) была направлена на оправдание контрреволюционных выступлений со ссылками на большевистскую опасность, угрожающую всей Европе. Аналогичная кампания разворачивалась и в Италии. В ней, наряду с оправдательным (“антикоммунистическим”) мотивом, другим, и едва ли не ведущим, станет поднимавшийся позже с разной периодичностью и глубиной антибританский.

Пропагандистская кампания во Франции отражала как кризис ее внешнеполитических доктрин, так и внутривнутриполитический кризис во всем спектре мнений по испанскому вопросу, раскол по нему французского общества.

⁹⁰ Там же, ф. 011, оп. 2, д. 227, л. 35, 63.

⁹¹ Там же, ф. 69, оп. 28, д. 48, л. 15–17.

⁹² DBFP, 2nd ser., v. 17, doc. 84, p. 90–91: Записка О. Сэрджента об опасности создания враждебных идеологических блоков в Европе, 12 августа 1936; Paris-Soir, 18.VII.1936; АВП РФ, ф. 05, оп. 16, п. 119, л. 18.

Советское руководство вплоть до подписания Соглашения о невмешательстве и обмене послами с Испанией (конец августа 1936 г.) ограничивалось в печати официальной и достаточно лаконичной информацией о событиях в этой стране.

Подлинный размах пропагандистская борьба в Европе вокруг испанской проблемы приобрела с формированием кабинета Л. Кабальеро и началом функционирования Комитета по невмешательству (сентябрь 1936 г.).

Если немецкая и итальянская печать однозначно отрицательно комментировала советское заявление в Комитете по невмешательству от 7 октября 1936 г., то французская и британская представили некоторый спектр мнений по этому поводу. “Пёпл” требовала присоединиться к советской ноте. “Ом либр” предполагала, что СССР из комитета не выйдет, а “ограничится успехом пропаганды”. “Фигаро” объясняла поступок СССР желанием повлиять на французскую внутреннюю политику и усилить пропаганду в Англии и Франции в пользу Народного фронта Испании⁹³. “Таймс” утверждала, что в случае срыва соглашения зарубежные друзья мятежников будут иметь бо́льшую возможность в снабжении их оружием, чем СССР – Мадрид. В этом же духе высказывались “Дейли экспресс”, “Дейли мейл”, “Морнинг пост”. “Обсервер” озаглавил заметку по этому поводу “Ложный шаг России”⁹⁴.

Вину за затягивание дискуссий в Комитете по невмешательству бо́льшая часть западной прессы возлагала на Советский Союз: “за это время он сможет снабдить оружием правительство Испании” (“Жур”), советская печать, в свою очередь, – как на фашистские страны, так и на Великобританию с Францией⁹⁵. Можно говорить об активном осуждении в Европе осенью 1936 г. советской политики при молчаливом одобрении итальянской и немецкой активности в Испании.

В основе многих взаимных идеологических нападок лежало отсутствие четкого плана или желания решения испанского вопроса. Это особенно ярко проявилось в январе–марте 1937 г. (обсуждение и принятие плана контроля в Комитете по невмешательству, запрещение посылки добровольцев в Испанию) и июне–июле 1937 г. (кризис политики невмешательства).

Испанские события и политика европейских государств наиболее вызывающе освещались в фашистской прессе: эта тенденция особенно усилилась с лета 1937 г. Можно говорить о разной проблематике и нетождественных методах пропагандистской борьбы со стороны Италии и Германии против Британии и Франции. Дифференциация основывалась на оценке роли каждой из этих стран в Испании и Европе. Отличалась и мотивация, и основные темы. Так, на начальном этапе испанской войны итальянская пресса параллельно с немецкой старалась оказать давление на Францию и по пропагандистским каналам. Франция обвинялась в причастности к началу испанских событий, в прореспубликанских и просоветских симпатиях. Фашистская пресса откровенно шантажировала Францию риском остаться в изоляции в Европе в случае ее активной политики в пользу Испании. Но антифранцузская кампания в этом контексте носила менее выраженный характер, так как в лице этой страны Гитлер и Муссолини видели менее серьезного противника, чем Великобритания.

Методика и способы пропагандистской кампании по испанскому вопросу, разрабатываемые и используемые ведущими европейскими странами в рассматриваемый период, были разнообразны. Например, активно применялась тактика “слухов” и “утечки информации”, которые, по мнению их организаторов, могли подорвать позиции внешнеполитических оппонентов.

В феврале 1937 г. в Берлине циркулировали слухи, что для спасения Франко Германии потребуется такое увеличение помощи, которое неизбежно приведет к конфликту с Англией

⁹³ Berliner Börzen-Zeitung, 22.X.1936; Le Peuple, 10.X.1936; Le Figaro, 10.X.1936; L'Homme Libre, 10.X.1936; АВП РФ, ф. 0136, оп. 20, п. 167, д. 828, л. 64.

⁹⁴ Daily Telegraph, 11, 12.X.1936; The Times, 8, 11.X.1936; Daily Express, 8, 10, 11.X.1936; Daily Mail, 8, 11.X.1936; Morning Post, 8.X.1936; The Observer, 11.X.1936; АВП РФ, ф. 010, оп. 11, п. 71, д. 55, л. 49.

⁹⁵ Les Jours, 29.X.1936; Известия, 8, 10, 18.I.1937; и др.

и Францией⁹⁶. Аналогичного рода слухи распространялись немецкой прессой. Месяцем позже в Риме начали активно распускать слухи о якобы готовящейся переброске в Испанию французских частей⁹⁷. Франсуа-Понсе в конце июля 1937 г. заявил протест руководству МИД Германии по поводу антифранцузской кампании в немецкой прессе, муссировавшей слухи о помощи Франции оружием Испанской Республике⁹⁸. В декабре 1937 г. активная кампания слухов была организована в Риме, Женеве относительно готовившегося комбинационного удара Муссолини: одновременно с активной поддержкой военного наступления Франко, дуче якобы заявил о выходе из Комитета по невмешательству⁹⁹.

Утечку информации о деятельности Комитета по невмешательству, вопреки принятому по этому поводу общему коммюнике, периодически организовывала советская делегация, навлекая на себя справедливый гнев других его членов¹⁰⁰. Лорд Плимут 7 мая 1937 г. инкриминировал советской стороне превращение комитета в “орудие пропаганды”. Он был поддержан итальянским и немецким представителями Д. Гранди и И. Риббентропом. Последний неоднократно подчеркивал, что И.М. Майский использует Комитет по невмешательству не столько для решения испанских проблем, сколько для пропагандистских целей¹⁰¹.

Получаемая НКВД информация о военной помощи франкистам осенью 1936 г. для большей доказательности посылалась в советское полпредство в Париж, там через знакомых дипломатам журналистов она помещалась в ряд изданий без указания источника, а затем уже передавалась в Москву со ссылкой на французскую прессу. Вырезки из этих газет получал Майский в Лондоне и использовал их в обвинительных нотах и речах в Комитете по невмешательству. По мнению заместителя заведующего 3-м Западным отделом Ф. Вейнберга, такая практика использования “материалов себя оправдывает”. В течение всей испанской войны советская сторона регулярно прибегала в пропагандистской борьбе к этому приему¹⁰².

Всю западноевропейскую пропаганду (кроме, конечно, левых и левоцентристских изданий) объединял антиреспубликанский и антисоветский мотивы¹⁰³.

Упор во взаимной информационной войне был сделан на обвинительный мотив, который в большинстве случаев прикрывал действия своего государства и преследовал цель добиться их одобрения и даже поддержки со стороны общественного мнения. Частой в пропагандистской борьбе стала практика упреждающего удара, тактика обличений, когда те или иные страны (особенно, Германия и Италия) брали на себя роль обвинителя, чтобы не быть обвиненными (октябрь–декабрь 1936 г., июнь–июль, сентябрь–ноябрь 1937 г., весна 1938 г.).

Едва ли не более других из европейских стран пострадала от пропагандистской кампании вокруг испанских событий Франция. Идеологическое разделение Франции, явственно проявившееся в феврале 1934 г. и июне 1936 г., было, безусловно, усилено “испанским фактором”, что в итоге ослабило как Народный фронт, так и саму Францию. По мере развития войны в Испании она становилась все более податливой и продемонстрировала возможность изменения психологии “противника”, в данном контексте – заставить принять планы урегулирования. Испанская проблема существенно поляризовала и британское общественное мнение¹⁰⁴.

⁹⁶ АВП РФ, ф. 082, оп. 20, п. 86, д. 4, л. 27.

⁹⁷ Там же, ф. 011, оп. 1, п. 4, д. 35, л. 51.

⁹⁸ Там же, ф. 082, оп. 20, п. 86, д. 4, л. 98.

⁹⁹ Там же, ф. 011, оп. 1, п. 4, д. 35, л. 228.

¹⁰⁰ DBFP, 2nd ser., v. 17, doc. 278, p. 378, 389, 393.

¹⁰¹ Ibid., v. 18, doc. 345, p. 524.

¹⁰² АВП РФ, ф. 069, оп. 21, п. 62, д. 8, л. 104; оп. 20, п. 60, д. 9, л. 55, 62; ф. 098, оп. 19, п. 141, д. 658, л. 16; ф. 69, оп. 27, п. 87, д. 27, л. 3–8; ф. 097, оп. 11, п. 102, д. 15, л. 1; д. 14, л. 171; ф. 011, оп. 2, п. 17, д. 165, л. 145; ф. 010, оп. 11, п. 71, д. 54, л. 43, 44 и др.

¹⁰³ Антисоветский компонент пропагандистской кампании 1936–1939 гг. в данной статье не рассматривается.

¹⁰⁴ См.: *Фомичев Н.Н.* Советский фактор в Гражданской войне в Испании 1936–1939 гг. и формирование образа врага в ведущих британских общественно-политических изданиях. — Вестник Вятского государственного университета, Киров, 2015, № 2, с. 46–50.

Одним из ярчайших и типичных проявлений пропагандистской кампании по испанскому вопросу в контексте двусторонних отношений можно назвать англо-итальянское информационное противостояние. Как признавал в своих мемуарах Иден, в отношениях Лондон – Рим того периода “наиболее трудными вещами были Испания и пропаганда”¹⁰⁵. Так, активизация итальянского вмешательства в испанскую войну в начале 1937 г., несмотря на заключенное накануне англо-итальянское “джентльменское соглашение”, параллельно с напряженностью в отношениях вызвала и активную двустороннюю пропагандистскую кампанию. Итальянская печать уверяла читателей, что соглашение с Англией ни в коей мере не изменяет дружбе с Германией. Английская же обвиняла Италию в “коварстве”, открыто демонстрируя обиду на это¹⁰⁶.

Предвидя, что усиление своего присутствия в Западном Средиземноморье и в Испании может ускорить британское перевооружение, итальянская сторона действовала по принципу упреждающего удара, муссируя эту тему в прессе, доказывая, что такой британский шаг лишен смысла, так как “фашизм усиливается только для борьбы с коммунизмом”¹⁰⁷.

Британская пресса (“Ньюс кроникл”, “Дейли геральд”, “Дейли экспресс”), в свою очередь, комментировала итальянские операции в окрестностях Мадрида в обидных для Италии тонах. Итальянское поражение под Гуадалахарой (март 1937 г.) дало повод британским СМИ для насмешек и издевательств над итальянской армией. Тональность выступлений была настолько резкой, что А. Чиано четырежды приглашал к себе британского посла Э. Драммонда для заявления протестов¹⁰⁸.

Известное выступление Муссолини с обвинением англичан, что те не видят вековых бревен в собственных глазах, было воспринято как сигнал к “бешеной антибританской кампании итальянской печати”, о чем докладывали в Москву советские дипломаты¹⁰⁹. Муссолини неоднократно говорил Чиано, что британские и французские капиталисты с их “шакалей прессой” раздражают его более, чем сталинское правительство в Советском Союзе¹¹⁰.

В июне–июле 1937 г. Муссолини, по выражению советской дипломатии, проявил “большую журналистскую активность”. Его неподписанные статьи помещались в основном на страницах “Пополо д’Италия”. Так, 1 июля 1937 г. дуче доказывал, что итальянские “легионеры” отнюдь не потерпели поражения под Гуадалахарой, и допускал грубейшие выпады в адрес Англии, Франции и СССР¹¹¹. В. Гайда, редактор “Джорнале д’Италия”, считал ошибкой отклонение германских предложений по испанскому вопросу, а в статье в “Воце д’Италия” 4 июля категорически выступал против французских и британских газет, “желающих превратить испанский вопрос в средиземноморский”¹¹².

В это же время в знак протеста “в минуту крайнего раздражения” дуче приказал отозвать всех итальянских журналистов из Англии. В Италию был запрещен ввоз британских газет. Акция никакого практического результата не имела, итальянская печать помещала английскую информацию, заимствуя ее из германских газет. С 1 августа 1937 г. итальянская информационная служба в Лондоне восстановилась¹¹³.

Очередной всплеск пропагандистской кампании в англо-итальянских отношениях вокруг испанской проблемы будет связан с активизацией пиратства итальянских

¹⁰⁵ *Eden A. Facing the Dictators*. Boston, 1962, p. 650.

¹⁰⁶ АВП РФ, ф. 011, оп. 1, п. 4, д. 35, л. 7; ф. 069, оп. 21, п. 62, д. 4, л. 54–55; ГА РФ, ф. Р-4459, оп. 13, д. 159, л. 147.

¹⁰⁷ *Voce d’Italia*, 21.II.1937.

¹⁰⁸ DBFP, 2nd ser., v. 18, doc. 295, p. 433, doc. 343.

¹⁰⁹ АВП РФ, ф. 069, оп. 25, п. 81, д. 11, л. 37; оп. 21, п. 62, д. 4, л. 5, л. 56.

¹¹⁰ *Whealey R.H. Hitler and Spain. The Nazi Role in the Spanish Civil War, 1936–1939*. Lexington, 1989, p. 34.

¹¹¹ АВП РФ, ф. 098, оп. 21, п. 26-а, д. 5, л. 42, 46.

¹¹² *Giornale d’Italia*, 24.VI.1937; 2.VIII.1937; *Voce d’Italia*, 4.VII.1937.

¹¹³ АВП РФ, ф. 011, оп. 1, п. 4, д. 35, л. 130–131.

подводных лодок в Средиземноморье в августе 1937 г. Но тональность ее ощутимо изменится. Британская оппозиционная пресса была полна обличительных антиитальянских мотивов, проправительственная наряду с осуждением содержала и явно примирительные нотки.

Антибританская пропаганда в итальянской печати на рубеже 1937–1938 гг. станет определенным тормозом англо-итальянского сближения, на что несколько раз обращала внимание Чиано британская дипломатия, ставя перспективу двусторонних переговоров в прямую зависимость от ее продолжения¹¹⁴.

После подписания в апреле 1938 г. англо-итальянского соглашения британская (не оппозиционная) пресса старалась избегать открытых антиитальянских выпадов, итальянские СМИ взаимностью почти не отличались. Так, летом 1938 г. к общеполитическим причинам, которыми Британия мотивировала отказ от введения в силу вышеназванного соглашения, присоединился и вопрос “о прекращении пропаганды [Италией]”, о чем 16 июля Драммонд в очередной раз указал Чиано¹¹⁵.

Таким образом, информационное обеспечение европейскими державами своей политики в 1936–1939 гг. в Испании принимало подчас форму пропагандистского противостояния. Оно подразумевало оправдание и “прикрытие” политики или собственной несостоятельности в Испании, дискредитацию курса других стран, попытки их столкновения на почве испанского кризиса. Ни его решению, ни улучшению двусторонних отношений это не способствовало.

Испанская война 1936–1939 гг. превратилась в серьезную европейскую проблему, создав в международных отношениях прецедент быстрой и глубокой интернационализации локальных конфликтов, углубив традицию, не изжитую и в XXI в. Испанский вопрос как один из системообразующих факторов международных отношений во многом определил внешнеполитическую поведенческую модель ведущих европейских стран кануна Второй мировой. Война в Испании подвергла некоторой корректировке и придала большую корреляцию геополитическим установкам ведущих европейских стран, обострила проблему их интересов и пристрастий не только на Пиренейском полуострове, но и на континенте в целом. Этим оказались охвачены как те, кто готовился к большой войне, так и те, кто старался максимально отсрочить ее начало. Борьба такого количества участников за влияние на испанском силовом поле означала начало формирования новой геополитической модели предвоенной Европы.

В испанском конфликте проблемы собственно европейской безопасности не выходили фактически за пределы таких аспектов, как его локализация и сохранение территориальной целостности Испании. Усиление в связи с этим у европейских стран своих геостратегических интересов, формирование и укрепление на данном фоне военно-политических союзов означало не только приговор Испанской Республике или использование Испании как военного полигона. Более существенной, на наш взгляд, окажется роль “испанской площадки” для отработки механизма межгосударственных отношений кануна мировой войны.

Перед лицом новой угрозы, многократно усиленной испанскими событиями, отношения по линии Лондон – Париж – Москва не приобрели нового содержания, которое было так востребовано временем и необходимо для остановки этой угрозы. Сложившийся профранкистский альянс окажется намного сильнее эвентуального про-республиканского. Боязнь союзов, сепаратных соглашений в годы испанской войны всеми будущими членами антигитлеровской коалиции привела к тому, что договор становился орудием политической борьбы. Итоги ее станут печальными для всех участников.

События в Испании вызвали также резкую поляризацию общественного мнения Европы. Идеологический подтекст испанской трагедии катализировал не только ее ход, но и развитие блоковой политики на континенте. “Невмешательство” явилось формой,

¹¹⁴ DBFP, 2nd ser., v. 19, doc. 405, p. 702–703.

¹¹⁵ АВП РФ, ф. 011, оп. 2, п. 17, д. 165, л. 133.

в том числе и идеологического умиротворения в виде антиреспубликанизма (испанского) и антисоветизма.

Испанская проблематика активно использовалась во взаимном информационно-психологическом противостоянии европейских стран. Одной из ведущих тем пропагандистской войны вокруг испанских событий станет проблема невмешательства. Активные кампании сопровождали не только кризисные периоды политики невмешательства, но и сопутствовали каждой попытке принятия реальных мер по невмешательству, не говоря уже об обсуждении ее наиболее острых проблем.

С помощью пропаганды был существенно смещен ракурс восприятия происходящего в Испании. Играя на эффекте “симпатия – антипатия”, европейской пропаганде (вне зависимости от политической принадлежности) удалось в определенной мере сформировать у рядового обывателя негативный образ испанского законного республиканского правительства, отождествляя его с коммунистами, представляя антиподом всего демократического и, главное – угрозой Европе в случае победы республики. Пропагандистское противоборство в Европе в 1936–1939 гг. с использованием испанской проблематики имело одним из следствий известную расстановку сил накануне Второй мировой войны. Конструирование с обеих сторон ложных политических и психологических стереотипов, взаимное стремление не отделять пропагандистскую кампанию от реальных механизмов внешней политики имели исключительно отрицательные последствия для всего комплекса международных отношений. К сожалению, оно пришлось на едва ли не самый ответственный период в плане сдерживания фашистской агрессии. При этом лидеры Германии, Италии и СССР, придавая пропаганде бóльшую значимость, чем Британия или Франция, вели ее более квалифицированно, и не оказались пойманными в собственные же силки идеологической борьбы, не переоценили ее роль в отношениях с другими странами. Формы и методы пропагандистской борьбы, опробованные вокруг войны в Испании, окажутся востребованными и будут продолжены в последовавшей за Второй мировой “холодной войне”.

Будучи одним из ярчайших примеров региональных конфликтов межвоенного периода, Гражданская война в Испании сделала актуальными такие их аспекты, как геополитический, военно-стратегический, идеологический, экономический и, безусловно, проблеме взаимоотношений третьих стран в этом контексте.

Дальнейшая история локальных конфликтов XX – начала XXI в. внесет некоторое новое наполнение этих международных аспектов, придаст им иные форматы, оставив неизменными их суть и задачу поиска как универсальных, так и специфических методов решения.

* * *

Испанскую драму (политика “невмешательства”) ее авторы взяли писать, строго очертив контуры ведущих ролей и задачи действующих лиц, и распределив: главную роль отвели Италии и Германии, суфлера – Англии, желательно второй план – Франции и СССР, а кому оставив роль статистов – скандинавские, восточноевропейские страны, возможно, и СССР. Но режиссура оказалась весьма недобросовестной, действия актеров, несмотря на все ухищрения, согласовать не удавалось. Не последнее значение при этом имели взаимные антипатии артистов и регулярные обострения отношений между ними. Актеры вышли из повиновения, почти не прислушиваясь к режиссеру или в отдельные моменты лишь делая вид, что исполняют заданную роль. “Пьеса” оказалась проваленной, разочарованными остались не только зрители, серьезно пострадали и сами действующие лица. Изможденные, фактически без антракта, они вынуждены будут играть следующую, еще более жестокую и трагичную драму под названием “Вторая мировая война”.